УДК 327.5

ВЫЗОВЫ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО И ГЕОЭКОНОМИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИМ ТЕРРИТОРИЯМ В КОНТЕКСТЕ ИХ УЛЬТРАКОНТИНЕНТАЛЬНОГО ПОЛОЖЕНИЯ*

А.В. Кротов

*Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия,
e-mail: krotov_av@mail.ru*

Центральноазиатские территории слишком велики и разнообразны, чтобы остаться без внимания ведущих мировых акторов. Геополитические и геоэкономические интересы самыми разнообразными способами пересекаются в данном срединном пространстве части света Азии. Рассматриваемое пространство обладает весьма крупным потенциалом возможностей возникновения конфликтов этнического, ресурсно-сырьевого, политического и культурного характера. Часть из них уже сейчас идет активно, но многие пока носят латентный характер и сдерживаются внешними более сильными державами. Получив недавно независимость, страны Центральной Азии стоят перед выбором путей развития своих государств. Предложенный Китаем вариант развития транзитных трансконтинентальных магистралей очень заманчив, но одновременно несет с собой много рисков. Проанализированы геополитические и геоэкономические проблемы и показаны интересы главных игроков на мировой политической карте в рассматриваемом регионе. Обосновывается перспективный путь создания на данном ультраконтинентальном пространстве межгосударственного объединения для эффективного сохранения национального суверенитета и культуры, вписывания в мировую экономику, поддержания порядка и безопасности. Подчеркивается важность формирования общей социально-экономической стратегии с учетом местных особенностей столь неоднородной территории. Нельзя допустить излишней конкуренции между странами центральноазиатского пространства, иначе не будут реализованы максимальные дивиденды от существующих преимуществ территорий и распылены и так небольшие возможности. Необходим инновационный способ согласования многосторонних интересов Центральной Азии.

Ключевые слова: *центральноазиатские территории, ультраконтинентальное положение, регионы, пространство, Центральная Азия, Китай, Россия, геополитические и геоэкономические интересы, ресурсы, конкуренция.*

* Research for this article was funded under the Academy of Finland project 'The Transformation of Soviet Republic Borders to International Borders', grant no. 297544.

GEOPOLITICAL AND GEO-ECONOMIC CHALLENGES TO THE CENTRAL ASIAN TERRITORIES IN THE CONTEXT OF ULTRA-CONTINENTAL SITUATION

A.V. Krotov

*Altai state University, Barnaul, Russia,
e-mail: krotov_av@mail.ru*

Central Asian territories are too large and diverse to be ignored by the world's leading actors. Geopolitical and geo-economic interests intersect in this middle space of the Asian part of the world in various ways. The space under consideration has a very large potential for ethnic, resource, political and cultural conflict. Some of them are already underway, but many are still latent and are being held back by external stronger powers. Recently received the independence of the Central Asian countries are faced with a choice of ways of development of their countries. The option proposed by China for the development of TRANS-continental transit routes is very tempting, but carries with it many risks at the same time. Geopolitical and geo-economic problems are analyzed and interests of the main players on the world political map in the considered region are shown. The article substantiates the perspective way of creation of interstate Association on the given ultra-continental space for effective preservation of national sovereignty and culture, integration into the world economy, maintenance of order and security. The importance of the formation of a common socio-economic strategy, taking into account the local characteristics of such a heterogeneous territory, is emphasized. It is impossible to allow excessive competition between the countries of the Central Asian space, otherwise the maximum dividends from the existing advantages of the territories will not be realized and so small opportunities will be scattered. A new innovative way to reconcile the multilateral interests of Central Asia is needed.

Keywords: *Central Asian territories, ultra-continental position, regions, space, Central Asia, China, Russia, geopolitical and geo-economic interests, resources, competition.*

Введение

XXI в. ознаменовался не разрешимыми пока коллизиями экономического характера. На наш взгляд, геополитические и геоэкономические проекты ведущих государств мира — в какой-то мере попытка решить местные проблемы как путем вытеснения их из медийного пространства, так и перекладывания их же на более слабых игроков. Тогда кризисы легче переносят глобальные лидеры. А сейчас не ясно, как будут рассчитываться по своим долгам США и некоторые европейские государства. Не понятна и ситуация с различного рода финансовыми обязательствами бизнес-структур. Сейчас так много активов, не имеющих под собой производственной или хотя бы материальной основы, что кажется, все мировые валюты переоценены.

Предыдущие модели борьбы с кризисами себя исчерпали, нужны инновационные решения. Центральназиатские пространства во многом могут обеспечить инвестиционный спрос и эффективные варианты отдачи. Востребована инновационная модель развития сообщества, производства, прибыли и межгосударственных отношений.

В ситуации снижения мировых цен на сырьевые товары центральноазиатским территориям, и России в том числе, необходимо искать другие источники пополнения бюджета. Особенно это актуально для ультраконтинентальных регионов, удаленных от основных центров экономической жизни. Одним из вариантов изменения существующего положения дел и возможностей увеличения доходов являются проекты строительства Китаем трансконтинентальных магистралей.

Есть несколько интересных работ отечественных специалистов, где описываются возможности использования транспортно-логистического потенциала России и других центральноазиатских территорий, предлагаются различные способы стимулирования бизнеса государством. Итогом должен служить повышенный спрос на транзитную составляющую и соответственно повышение доходов бюджетов (Цветков, Зоидов, Медков, 2014). Но мы считаем, что подходы должны быть несколько расширены за счет предлагаемых нами инициатив.

Для России центральноазиатские регионы крайне необходимы. Нам необходим их рынок, ресурсы и совместные проекты. По оценкам специалистов объем промышленной продукции современной России даже меньше показателя 1991 г. За последнюю четверть века к тому же в структуре отечественной промышленности увеличилась доля отраслей топливно-энергетического комплекса и металлургии, а уменьшилась — самых сложных отраслей с высокой добавленной стоимостью и долей НИОКР. Зарубежные центральноазиатские территории и Россия в целом стоят по большей части перед одинаковым набором проблем. Только правительства Китая и России, претендуя на свое место в мире, остро конкурируя с отдельными странами, пытаясь не допустить единовластия, принимают решения с учетом геополитики и геоэкономики.

Развалившийся Советский Союз оставил после себя не только самое большое в мире внутреннее государство (Казахстан), но и создал многочисленные возможности для внешних игроков по включению новых центральноазиатских стран в свои геоэкономические и геополитические стратегии и проекты, которые имеют неоднозначную и тем более не всегда положительную роль для новых независимых государств, не говоря уже об изменяющихся сейчас просто на наших глазах перспективах развития всей России. Поэтому актуальность нашего исследования заключается не только в оригинальном включении российских регионов в рассматриваемый территориальный конгломерат, но и в хозяйственно-логистическом увязывании отечественных приграничных центральноазиатских пространств с внешними объектами, которые пока еще в целом в социально-экономическом плане (рассматривая душевые показатели внутреннего продукта) находятся в роли догоняющих нашу страну.

Определение центральноазиатского пространства

Территории Центральной Азии обширны. Данный регион может быть описан как физико-географический объект, и в этом случае его можно каким-то образом

вписать в сформулированную для данных целей математико-статистическую формулу центрального положения части света Азии, где реперными или крайними точками выступают многочисленные долготно-широтные координаты по сторонам света. Аналогично можно поступить в определении срединного положения с учетом политико-административных границ стран или отдельных регионов государств. Исторически существует также в сообществе ученых, представителей политики и СМИ свое понимание пространства Центральной Азии.

В работе мы специально отразили, что это центральноазиатские территории, а не только страны. Хотя и в случае странового выделения центральноазиатскими могут считаться как очень многие государства, так и наоборот, ограниченный список. Сейчас безусловное большинство специалистов в группу стран Центральной Азии включает Кыргызстан, Узбекистан, Таджикистан и Туркмению. Мы с этим согласны, но в СССР данный регион имел название Средняя Азия. Также сегодня, как правило, центральноазиатскими считаются Монголия и Казахстан. Поддерживаем, но уточним, что в традиционном страноведении и географии Монголия, как и весь Китай, была отнесена к Восточной Азии. Не принимаем во внимание в данной статье, что Афганистан также многими часто называется центральноазиатским (от южных границ страны до берегов океана всего 542 км), но включаем Синьцзян-Уйгурский автономный район (СУАР) Китая. Отдельные пространства России аналогично должны быть, по нашему мнению, объединены под центральноазиатскими территориями. На рисунке 1 представлена картосхема территории, которая соответствует центральному положению в Азии с учетом политико-административных границ и исторического контекста.

Мы включаем российские пространства в рассматриваемый объект, не только солидаризируясь с отдельными географами, которые всю Южную Сибирь относят к Центральной Азии, но и принимаем во внимание исторический и территориально-экономический контекст.

В работе мы делаем особый упор на ультраконтинентальное расположение интересующих нас регионов. Термин «ультраконтинентальность» по отношению к расположению территории относительно близости к океанам лишь недавно получил свое доказанное право на существование. Наиболее подробно об этом — в монографии Л.А. Безрукова (2008).

И мы уверены, что именно рассматриваемые в этом контексте в данном составе территории как раз можно и нужно объединить. В таблице 1 показаны наименьшие расстояния до ближайших морских портов по прямой от самых крайних точек государств и их регионов. С учетом рельефного разнообразия, больших пространств горных ландшафтов и концентрации экономической активности совсем не по краям государств мы видим очевидную сверхудаленность от выхода в открытый океан. Геополитическая и тем более геоэкономическая составляющая развития пока весь данный пространственный конгломерат ставит перед общими вызовами. К тому же все недавнее развитие этих регионов в культурном, политическом, экономическом, языковом, этнорелигиозном и транспортно-логистическом отношении шло если даже и не полностью вместе, то с оглядкой на соседние территории. В средневековье

несколько веков рассматриваемое нами пространство управлялось из единого центра Монгольского ханства. Почти весь прошлый век исследуемая нами Центральная Азия была в площадных, экономических и демографических весах в основном советская. Что любопытно, хозяйственный ВРП последней четверти XX в. этой части превосходил китайско-монгольские пространства в разы.

Рис.1. Картограмма центральноазиатских территорий

Таблица 1

Характеристики ультраконтинентальных центральноазиатских территорий

Территория (страна)	Площадь территории ¹ , кв. км	Население ⁴	ВВП, \$ США, по ППС ⁶	Расстояние от крайних точек до ближайшего порта океана, км
Туркменистан	488 100	4 751 120	94 770 000 000	911 (порт Мехшахр)
Узбекистан	447 400	31 022 500	202 300 000 000	1549 (Бендер-Аббас)

Территория (страна)	Площадь территории ¹ , кв. км	Население ⁴	ВВП, \$ США, по ППС ⁶	Расстояние от крайних точек до ближайшего порта океана, км
Таджикистан	143 100	8 352 000	25 810 000 000	1549 (Бендер-Аббас)
Киргизия	199 951	5 975 000	21 010 000 000	1965 (Бендер-Аббас)
Казахстан	2 724 900	17 651 300	460 700 000 000	1783 (Сабетта)
Монголия	1 564 116	3 061 425	36 650 000 000 (без учета ППС)	864 (Далянь)
Китай (СУАР)	1 664 897 ²	21 813 334	138 410 000 000 ⁷ (без учета ППС)	2098 (Тяньцзинь)
Россия (цен- тральноазиат- ские регионы)	1 514 372 ³	9 918 286 ⁵	35 787 984 000 ⁸ (без учета ППС)	Все расстояния до ближайших портов более 2000 км
Итого	8 746 836	102 544 965		

¹Блог о России. URL : <https://bcb.su/ploshhad-stran-mira.htm>

²Алтай-Информ. URL : <http://алтай-информ.пф/administrativnoe-delenie-kitaya/sintzyan-ujgurskij.html>

³Сайт о странах, городах, статистике населения и пр. URL : <http://www.statdata.ru/ploshchad/rossii>

⁴Блог о России. URL : <https://bcb.su/chislennost-naseleniya-stran-mira-na-2018-god.htm>

⁵Сайт о странах, городах, статистике населения и пр. URL : http://www.statdata.ru/largest_regions_russia

⁶Блог о России. URL :- <https://bcb.su/vvp-po-stranam-mira-za-2018-god.htm>

⁷РИА Новости. URL : <https://ria.ru/world/20170510/1493955919.html>

⁸Федеральная служба государственной статистики : официальный сайт. URL : http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/accounts/#

Более того, не вдаваясь глубоко в подробности, отметим, что очень весомая часть общего успеха России (имеющего как хозяйственные, геоэкономические, так и культурно-геополитические составляющие) в глобальном новом либерально-транскорпорационном мире ведущих развитых держав сейчас будет коваться в недрах формирования эффективных межгосударственных союзов.

В сегодняшних условиях многовекторной и многофакторной конкуренции (именно так стоит показать в действительности сложные и трудно прогнозируемые отношения нашей страны с большинством ведущих мировых и региональных акторов), касающейся и экономики, политики, да и вообще принципов сосуществования различных народов, наций-государств с довольно значительными расхождениями в вопросах видения будущего, России крайне необходим поиск новых вариантов плотного взаимовыгодного сотрудничества, скрепления с зарубежными партнерами. Сегодняшний объем экономики нашей страны, ее демографический потенциал и технологические возможности не позволяют проходить мимо вызовов, которые

ставит современность перед центральноазиатским пространством, но и одновременно открывающихся возможностей для приграничных территорий РФ. Для Алтайского края в современных реалиях ресурсно-рентного и инерционного развития страны мы не видим дополнительных перспектив для увеличения наших не самых высоких показателей в хозяйстве и качестве жизни местного населения. Влияние на социально-экономическое развитие ультраконтинентального (или просто удаленного, внутреннего) положения алтайского региона и других территорий Южной Сибири рассматривается в последнее время у многих авторов (Безруков, 2007: 149–158; Кротов, Плотникова, 2015: 95–102, и др.).

Межстрановая конкуренция

Одной из особенностей современного мира стала все большая информатизация, одновременно увеличивается поток данных по различным странам, в том числе в сравнительном ключе. И вот такое рейтингование государств по позициям развития государства или территорий в экономике, культурном потенциале, степени коррупционности правительства или даже местного сообщества, достижениям гендерного и ювенального характера и прочим интересным, но часто субъективным или малоинформативным критериям осуществляется с определенной степенью регулярности. Хотя иногда встречаются очень интересные исследования. Например, Антипина Ольга Николаевна попыталась выяснить есть ли взаимосвязь между экономическими показателями, культурой и уровнем счастья в различных странах (Антипина, 2017: 35–44). Существенная часть показателей социального и экономического характера имеет очень важное значение как для национальных управленческих структур, так и для научного и общественного использования. В результате все более точного и совершенного сопоставления развития государств в группе явно отстающих возникают популярные лозунги по изменению вектора экономического, политического, а иногда и культурного развития. И это уже является вызовом для современных элитных страт относительно небогатых стран. Им необходимо, во-первых, подстраивать под современные требования основной массы избирателей идеологию правящих партий или движений, во-вторых, выстраивать свою политику, соотносясь с тенденциями глобализации и вестернизации. В-третьих, в условиях все-таки в той или иной степени продолжающейся демократизации всего мирового пространства и усиления роли электората в принятии решений политического и экономического характера есть опасность либо потерять власть или иные ресурсы, либо столкнуться с усиливающейся оппозицией.

Как раз центрально-азиатский регион сегодня подвержен просто уникальным вызовам-предложениям по исправлению, улучшению или даже перенаправлению своего вектора развития. А поскольку выбранное пространство на протяжении последних двух столетий меняло свои территориально-административные и политико-идеологические предпочтения, оно является лакомым и доступным кусочком для ведущих внешних мировых игроков, который можно заполучить в качестве экономического, политического, идеологического или культурного трофея. В ином случае можно не дать усилиться естественным геополитическим, а также геоэкономическим конкурентам.

В последнюю четверть века области геополитики и геоэкономики стали крайне актуальными с точки зрения аналитики и с точки зрения доступности информации, и мы бы отметили — «раскрытия карт». Самые страшные современные события на политической карте мира все больше имеют отношение к центральноазиатским регионам. Пока только опосредованно. Но Сирия и Ирак в действительности находятся не так далеко.

Конечно, все это происходит из-за совпавших во времени важнейших тенденций или направлений, которые происходили в нескольких плоскостях. Именно они как раз стимулируют вызовы территориям Центральной Азии. Во-первых, оказалось, первенство западного мира получено не пожизненно. Появились отдельные страны, которые догнали протестантско-католическое капиталистическое сообщество по душевым показателям. Сначала это была Япония, затем страны Персидского залива и Сингапур, Гонконг, сейчас Южная Корея и Тайвань. Еще страшнее для либерального сообщества было увидеть подъем Китая до первого места по страновому ВВП пока по паритету покупательной способности (ППС), а скоро, по всей видимости, и по действующему валютному курсу. Да и «бедная» Индия с населением, превосходящим 1 миллиард 200 миллионов человек, на четвертом месте по ВВП с учетом ППС — не такое уж конкурентное благо для «золотого миллиарда». И ведь в этих странах, когда-то названных «третьим миром», начинают возникать свои гиганты ТНК и технологические мировые лидеры, а это уже равные возможности при несопоставимых демографических и политико-идеологических возможностях развивающегося мира. В таблице 2 показано место в планетарной табели о рангах крупнейших банков и инновационных компаний стран, не относящихся к развитому миру.

Таблица 2

Рейтинг капитализации отдельных ведущих компаний развивающихся стран

Капитализация	Рейтинговый номер	Страна	Название организации
Крупнейших банков мира*	3	Китай	Industrial and Commercial Bank of China
	4	Китай	China Construction Bank
	6	Китай	Agricultural Bank of China
	27	Бразилия	Itau Unibanco Holding

Капитализация	Рейтинговый номер	Страна	Название организации
Крупнейших инновационных компаний**	4	Китай	Shanghai RAAS Blood Products
	7	Индия	Hindustan Unilever
	8	Индия	Asian Paints
	9	Южная Корея	Naver

*Источник: Banksdaily. URL : <http://banksdaily.com/rus/>.

**Источник: Basetop. URL : <https://basetop.ru/samyie-innovatsionnyie-kompanii-mira-2017-reyting-forbes/>.

Рис. 2. Центральназиатские территории, располагающиеся на стыке устремлений ведущих акторов мировой экономики и политики

Западный мир по определению конечен, и прирастает его население сейчас только за счет миграции с Востока и Юга. И в либеральном и богатом обществе начинают первенствовать демократические ценности, рентные настроения и преобладает мнение, что необходимо поддерживать состояние социальной справедливости, т.е. руководство развитых стран довольно ограничено в средствах и способах достижения необходимого результата в условиях усиливающейся межстрановой конкуренции. Сейчас пока это удастся за счет соответствующей накачки центральными и проправительственными СМИ, но это все труднее делать в условиях открытости Интернета. Именно поэтому возникают долгосрочные проекты (здесь может быть озвучен очень большой перечень мер, которые, на первый взгляд, имеют самую отдаленную связь с конкурентными отношениями) сохранения своих позиций действующими международными лидерами, и в противовес им их главные оппоненты пытаются найти варианты обеспечения своего социально-экономического роста,

обгоняющего среднемировые показатели, а это приводит к усложнению геополитического и геоэкономического противостояния. Аналогично территории, которые находятся в прямом и в переносном смысле «между молотом и наковальней» также пытаются самореализоваться, используя непростые отношения главных действующих сил в мировой экономике и политике. Это имеет отношение не только к целым странам, но и к отдельным регионам государств, элиты которых, так же как и рядовые граждане, имеют свои интересы, тем более когда их характеризует относительно низкий уровень жизни. На рисунке 2 видно переплетение интересов в рассматриваемом регионе.

Геополитическое и геоэкономическое положение центральноазиатских территорий

Центральноазиатские территории в силу своего размера, срединного или центрального положения в Азии, относительной неосвоенности и незавершенности формирования национальных государств, большого количества различных ресурсов (в том числе из-за гигантской площади), а также сложившегося положения дел на мировой политической карте подвержены самым разнообразным вызовам геополитического и геоэкономического характера. В том числе здесь сходятся интересы практически всех главных игроков или планетарных центров силы.

Более того, от результатов завершения процессов экономической, политической и культурной интеграции центральноазиатских территорий будет, по нашему мнению, во многом зависеть судьба мирового порядка. Геополитические интересы различных акторов в силу особого географического положения сходятся в центральной части азиатского континента, а так как с данным пространством граничат либо даже составляют часть его ведущие игроки в политике и хозяйстве, то сразу же возникают и геоэкономические интересы.

Рассматриваемые пространства имеют первостепенное значение для Китая и России, автоматически их главный оппонент США претендует на хотя бы неусиление своих основных мировых конкурентов. Геоэкономическое положение Центральной Азии таково, что в случае полного освобождения от санкций Ирана появляются очень мощные импульсы двухстороннего хозяйственного развития. А далее с Ираном сближаются через центральные пространства континента Россия и Китай, которые пока только по отдельным сырьевым и производственным проектам связаны между собой. И эти отмеченные самые главные оппоненты США, предлагающие в том числе свои модели социально-культурного развития, имеют через центральноазиатские регионы общие границы и соответственно могут осуществить совместные трансграничные мегапроекты. В случае их эффективной реализации каждый из отмеченных акторов получает очень существенные дивиденды. И конечно, для развитых стран просто совершенно неприемлема ситуация объединения в союзы центральноазиатских пространств по типу ЕС или НАФТА (тем более НАТО) с тремя главными «возмутителями спокойствия» в западном либеральном мире. Ведь в случае позитивного результата к данному суперконгломерату начнут тяготеть четвертая экономика мира Индия, ее главный противник Пакистан и Турция, которая, по всей видимости, потеряла шансы попасть в европейское объединение. Совместными

усилиями можно будет достаточно быстро урегулировать ситуацию в Афганистане и получить просто грандиозные возможности в экономике. Ведь тогда получится рынок объемом около 3,5 млрд чел., и не считаться с ним не сможет ни одна держава в мире. В.Н. Ремыга и В.И. Падалко считают, что возможно возникновение масштабной зоны свободной торговли — от северо-западных провинций Китая и Центральной Азии до Центральной и Восточной Европы (Ремыга, Падалко, 2015: 63).

На рисунке 3 показаны основные акторы и их геополитические интересы на центральноазиатских территориях. Когда мы пишем «недопущение усиления» каких-то стран, это означает всестороннюю работу по снижению позитивного эффекта практически от любых значимых инициатив оппонирующей стороны. Термином «включение в свою орбиту» мы описываем стремление более крупных или региональных держав максимально выгодно использовать территориально-экономическую и/или культурно-историческую близость с территориями. Это своеобразная возможность встать во главе пирамиды, созданной по своему подобию. В какой-то степени это напоминает связку «ведущий и ведомый».

Сейчас одним из главных мировых проектов, который как раз все названные хозяйствующие страны-объекты транспортно-логистически увязывает, является Экономический пояс Шелкового пути (ЭПШП), предложенный осенью 2013 г. Китаем. Несмотря на привлекательность и возможности китайского проекта, в нем не все однозначно позитивно для России и других стран Центральной Азии. Хотя реализация такого мощного и многоцелевого проекта «Один пояс — один путь» с просто недостижимым для других стран уровнем внешних инвестиций кажется большой удачей для всех реципиентов.

Территории, через которые пройдут трансконтинентальные пути, сразу открываются для международной конкуренции. С одной стороны, приближаются благодаря новым технологиям и финансовым ресурсам Китая крупнейшие рынки потребителей, с другой — мощные транснациональные корпорации легко обыгрывают на локальных пространствах местных игроков. То есть ЭПШП способствует либерализации международной торговли. И пока выигрыш от этого получит прежде всего Китай. Но России и другим центральноазиатским странам нужна реиндустриализация на новой технологической основе и полная модернизация экономики.

С. Глинкина считает, что создание современной инфраструктуры по доставке китайских товаров в Европу приведет к ухудшению положения местных производителей (Глинкина, 2014: 59) и пока не обговариваются варианты защиты от дешевого импорта. Вместе с тем обостряется конкуренция между центральноазиатскими регионами за право прохождения транспортных путей по своим территориям, и даже прибалтийские страны, Украина и Белоруссия стремятся увязать свои дороги с китайским проектом. Уже сейчас Россия конкурирует с Казахстаном в борьбе за транзитные потоки.

Главный геоэкономический вызов здесь заключается в том, что такого рода транзитные коридоры, с одной стороны, ускоряют потоки товаров и людей, уменьшают транспортные расходы, способствуют более сильной увязке своего пространства посредством иностранных инвестиций, улучшают положение в транспортной отрасли местных территорий, увеличивают доступность товаров и снижение цен на

них, что ведет к улучшению качества жизни населения. Но с другой стороны, вследствие либерализации рынка, цен на товары и услуги, прихода мощных конкурентов местные производители быстро теряют своих потребителей, не успев адаптироваться. Мы считаем также, что выгоды получают прежде всего города, которые будут располагаться на маршруте, и непосредственно связанные с данным бизнесом люди. Мы согласны с Ксавье Рише (2017), который высказывает опасение по поводу возможности получить одного победителя и многих проигравших.

Хотя еще раз повторимся, что для ультраконтинентальных территорий транспортный фактор является одним из главнейших ограничителей местной конкурентоспособности. Тем более что к китайскому транзитному коридору может присоединиться Индия, которая заинтересована в развитии своего «шелкового» пути «Север-Юг».

Большой интерес вызывают и огромные запасы важнейших полезных ископаемых, наличие которых лимитирует развитие в особенности новых мега-экономик, прежде всего Китай и Индию, но и достаточно крупных, чтобы о них забыть, Турцию и Пакистан.

Не считая ресурсы российских, монгольских и китайских центральноазиатских территорий, оставшиеся пять стран обладают 3% мировых запасов нефтепродуктов и 7% природного газа. По запасам угля Казахстан занимает 8-е место в мире; по запасам газа Туркменистан — 7-е место, а Узбекистан — 14-е; по запасам урана Казахстан — 2-е место, а Узбекистан — 9-е; по запасам золота Узбекистан занимает 4-е место в мире. Сверхобеспеченные водными ресурсами страны Таджикистан и Кыргызстан соседствуют с зависимыми от них в поступлении воды Узбекистаном, Казахстаном и Туркменистаном. По обеспеченности гидроресурсами Таджикистан занимает третье место в мире и второе в СНГ после России.

Годовой потенциальный ресурс гидроэнергии в Таджикистане составляют около 600 млрд. кВт/ч., а еще колоссальные запасы пресной воды в ледниках (подробнее у Зоидовых и Медкова, 2017). В мировом Казахстане масштабе имеет также неиспользуемые территории под пашню (сейчас говорим об уникальных черноземах и других высокопродуктивных почвах). И все регионы рассматриваемого конгломерата обладают еще не полностью используемыми территориями под пастбища.

Большая часть центральноазиатского населения (кроме России и Монголии) сейчас исповедует ислам, что создает для местных властных групп определенное напряжение в связи с близостью территорий, занятых террористическими образованиями ИГИЛ, и взрывоопасным Афганистаном. Довольно значительное количество боевиков из стран Центральной Азии сейчас получают боевой опыт в горячих точках планеты. И есть опасность, что они вернуться на родину со своим видением политической ситуации на местах. Тем более что, например, в Афганистане очень существенную часть населения составляют этнические узбеки, таджики и туркмены. Основной наркотрафик из Афганистана проходит по центральноазиатским пространствам, а это огромный неучтенный поток денежных средств. Хотя есть мнения известных экспертов, которые настаивают, что главный интерес — это потоки топливных ресурсов. М. Уитни считает, что последняя война в Афганистане велась

с целью стимуляции выбора транспортного пути природного газа из Туркменистана на Аравийский полуостров. По планам газопровод ТАПИ включает такие территории, как Афганистан, Пакистан и Индия, и никак не захватывает Россию и совсем близкий Иран, по которому проведение маршрута крайне выгодно с точки зрения цена — расстояние. От услуг ПАО «Газпром» пока отказались, а США активно лоббируют свои компании Chevron и ExxonMobil в качестве главных участников трубопроводного проекта. При этом США, продвигая данный коридор товара, настаивают, чтобы Пакистан ни в коем случае не участвовал в покупке газа у Ирана посредством строительства газопровода (Уитни, 2014). Хотя опять же с точки зрения географии это самый надежный, быстрый и недорогой маршрут. Интересно, что Афганистан, где присутствует американский военный контингент и правительство которого подконтрольно США, рассматривается последним как своеобразный агент влияния в центральноазиатском регионе. Подробнее о взаимоотношениях Афганистана со странами Центральной Азии пишет Д.Б. Малышева (2017: 14–23).

Рис. 3. Геополитические интересы ведущих акторов мировой политики на центральноазиатских территориях

В интересах Турции — сохранить и увеличить влияние в тюркоязычных центральноазиатских территориях. Пока здесь преобладают образовательные культурно-языковые турецкие инициативы, но этим она не ограничится.

У России также свои транспортно-транзитные интересы в регионе. Так, Л.Б. Вардомский считает необходимым строительство меридиональных соединений, которые увязывают Новосибирск и Китай, Тюмень и Индию (через Казахстан, Узбекистан, Афганистан, Пакистан), Красноярск и Китай (через Тыву и Монголию), Саратов и Иран (через Казахстан и Туркменистан) (Вардомский, 2015: 76). Не стоит забывать и об отечественном проекте Трансевразийского пояса вдоль Транссиба, выдвинутым ОАО РЖД.

На рисунке 4 изображены основные геоэкономические интересы на центральноазиатских территориях. По совокупности рассматриваемое пространство обладает просто колоссальным потенциалом для приложения труда, инвестиций и использования своего центрального расположения на азиатском континенте.

Рис. 4. Геоэкономические интересы на центральноазиатских территориях

Мы должны понимать, что реализовать свои геэкономические интересы в странах Центральной Азии можно будет только при сохранении социальной и экономической стабильности, поэтому заинтересованные стороны должны предлагать свои способы умиротворения этих необъятных пространств. Для России не входящие в ее состав центральноазиатские регионы представляют огромную ценность ввиду нескольких мегапричин. Во-первых, мы так и не смогли избавиться от экспортной зависимости своих сырьевых товаров (прежде всего углеводородов и металлов). Во-вторых, центральноазиатские территории практически идентично обладают такими же ресурсами и конкурируют с нашей страной на международных рынках. При этом часто себестоимость производства ниже российской. В-третьих, здесь пока еще есть рынок для отечественных технологичных товаров. В-четвертых, нам просто необходимы в сегодняшних условиях как страны, максимально дружелюбно настроенные к нашему народу, языку и культуре, так и крепкие тылы и спокойные приграничные регионы.

Заключение

Развитие транзитных трансконтинентальных маршрутов, создание приграничных промышленно-инновационных кластеров в центральноазиатских территориях может не только дать дополнительные инвестиции, а потом стабильный доход, но и в какой-то степени объединить и стабилизировать пространство Центральной Азии. Сейчас же в центральноазиатском регионе очень многие новые проекты инфраструктурного характера конкурируют между собой. Возникают столкновения не только экономических, но и политических интересов (подробнее — Садыков, 2013; Таджикистан, Афганистан и Туркменистан, 2014). А синергетического эффекта не наступает, тем более что не увязываются в этом случае приграничные территории конфликтующих сторон.

На сегодняшний момент в различных центральноазиатских регионах цены на многие товары имеют кратные различия. При этом не только огромные пространства влияют на такое положение дел. Нужно максимально дерегулировать цены, тогда, насытив спрос в местах нехватки, можно увеличить объем производства и прибыли в местах специализации, что будет способствовать снижению цен и в принципе уменьшению пространственных различий как в ценах, так и в уровне жизни населения рассматриваемой территории. Аналогичные результаты можно получить и при открытых и проникающих инновациях, которые значительно сокращают асимметрию качественных показателей жизни местного населения. Некоторые примеры описаны у П. Дамандиса (2013).

Не стоит забывать, что особо крупные трансграничные транспортно-логистические проекты оказывают многогранное влияние на прилегающие территории. И это касается не только позитивных изменений. Часто просто совершенно изменяется рыночная конфигурация на местах. Исчезнуть могут даже не отдельные предприятия, не справившиеся с неожиданной конкуренцией сильных игроков, но и целые отрасли хозяйства местного сообщества. Хотя, безусловно, очень заманчиво выглядят перспективы строительства сети дорог различного назначения за счет средств иностранных инвесторов.

Начиная с конца прошлого века в Европе начинают все больше говорить о «коридорах», «сетях», «зонах» и т.п. Важно понимать, что именно здесь возникают новые импульсы развития территорий. В особенности это важно для приграничных пространств, которые необходимо увязывать между собой, иначе не будет максимального валового эффекта, отражаемого между прочим в качестве жизни местного населения. Границы между различными территориями становятся все более прозрачными, во всяком случае, необходимо к этому стремиться. Тогда получится синергетический эффект в трансграничном пространстве (подробнее — Passi, A. & Zimmerbauer, 2016). Аналогично при налаженном взаимодействии невыгодно будет способствовать возникновению и расширению конфликтов разнообразного характера. Необходимо «увязывать» территории совместными проектами, обязательствами, перспективами и позитивными результатами.

Есть положительный опыт, хотя и в Европе, но там интеграция началась с регионов, где были значительно представлены и сепаратистско-националистические настроения, и почти что моноспециализация, и конкуренция приграничных пространств. Это «Большой регион», который возник в 70-е гг. прошлого столетия. Он состоял из приграничных территорий Бельгии, Франции и Германии. В конечном счете в ходе реализации трансграничных проектов и объединения усилий, в том числе совместного управления, по отдельным вопросам был получен известный результат. Это один из самых экспортноориентированных регионов (подробнее — Evrard, Nienaber, Sommarbias, 2018: 1–15).

В ходе исследования мы пришли к выводу, что для успешного развития центральноазиатских территорий необходим набор стимулов и гарантий. Они должны быть даны конкурирующим и/или конфликтующим сторонам, а идеальным арбитром данного процесса мог бы выступить наднациональный союз рассматриваемых приграничных государств. Мы прогнозируем дальнейшее ухудшение геополитического и геоэкономического взаимодействия между ведущими западными странами и догоняющими развивающимися или среднеразвитыми (прежде всего это Китай, Россия, Иран). В этих условиях только на объединенной основе можно выстоять под экономическими санкциями. Пример современной ситуации в нашей стране хорошо демонстрирует сложность выживания в такой остро агрессивно настроенной среде. Потеряв за несколько лет почти четверть национального ВВП, россияне только сплотились и увидели масштаб комплексных проблем, но нисколько не приблизились к разрешению противоречий политико-социально-экономического характера.

На рисунке 5 показаны результаты анализа возможностей по стимуляции развития центральноазиатских территорий.

Также предлагаем к рассмотрению таблицу 2. Здесь показаны расстояния по прямой от столиц самых ультраконтинентальных территорий Центральной Азии.

Рис. 5. Рекомендации по наиболее эффективному взаимодействию и развитию центральноазиатских территорий

Таблица 2

Расстояние до, км

	Алтай	Барнаул	Горно-Алтайск	Усть-Каменогорск	Ховд
Архангельск	3360	2626	2918	2917	3516
Новороссийск	3822	3427	3585	3378	4066
Владивосток	3402	3666	3522	3772	3143
Шанхай	3361	3890	3658	3803	3128
Мумбаи	3469	3931	3827	3546	3620
Санкт-Петербург	3872	3255	3455	3407	4058

Мы считаем, что для самых удаленных субъектов от морей и океанов просто жизненно необходима приграничная интеграция. Без создания трансграничных промышленно-логистических кластеров (подробнее — Кротов, Лавренюк, 2015) невозможно расширенное воспроизводство на данных территориях.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Антипина О.Н. Экономика, культура и счастье: есть ли взаимосвязь. Мировая экономика и международные отношения, 2017, No7.

Безруков Л.А. Континентально-океаническая дихотомия в международном и региональном развитии. Новосибирск, 2008.

Безруков Л.А. Экономико-географическое макрорасположение Сибири и проблема эффективности ее хозяйства, География и природные ресурсы, 2007, No 3.

Вардомский Л.Б. Транзитный потенциал Казахстана в контексте евразийской интеграции. ЭКО, 2015, No 8.

Глинкина С.П. Китайская стратегия освоения постсоветского пространства и судьба евразийского экономического союза. В кн.: Россия в XXI веке: глобальные вызовы и перспективы развития: материалы Третьего международного форума. Москва, 21–22 октября 2014 года. М., 2014 .

Диамендис П. Как «технологический социализм» может демонетизировать нашу жизнь. Свой бизнес, 2013, No 5.

Зоидов К.Х., Медков А.А., Зоидов З.К. Государственно-частное партнерство — основа инновационного развития и безопасности транзитной экономики: монография. М., 2017.

Кротов А.В., Лавренюк М.В. Приграничное положение Алтая как фактор, нивелирующий ультраконтинентальность региона. Дневник Алтайской школы политических исследований, 2015.

Кротов А.В., Плотникова Ю.А. Экономико-географические предпосылки обоснования ультраконтинентального положения сибирских регионов. В кн.: География и природопользование Сибири : сб. ст. Вып. 19. Барнаул, 2015.

Малышева Д.Б. Афганский кризис и постсоветская Центральная Азия. Мировая экономика и международные отношения, 2017, No 8.

Пасси, А., Зиммербрауер К. Пенумбральные границы и парадоксы планирования: реляционное мышление и вопрос границ в пространственном планировании. Окружающая среда и планирование, 2016, No 8.

Ремыга В.Н., Падалко В.И. Новая глобальная стратегия Китая. В кн.: Экономический пояс Шелкового пути. М., 2015.

Рише Ксавье. Один победитель и многие проигравшие. Гудок. 2017. 19 июля. No 120.

Садыков М. Узбекистан — Таджикистан: Новая железная дорога в Ферганскую долину грозит Душанбе транспортной блокадой. Портал EurasiaNet.org. 2013. 14 марта URL: <http://russian.eurasianet.org/node/59940>.

Таджикистан, Афганистан и Туркменистан все еще не определились с маршрутом будущей железной дороги. Азия-Плюс. URL: <http://news.tj/ru/news/tadzhikistan-afganistan-i-turkmenistan-vse-eshche-ne-opredelilis-s-marshrutom-budushchei-zhelez>.

Уитни М. Какое отношение трубопровод в Афганистане имеет к кризису на Украине? Портал ЦЕНТРАЗИЯ. URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php7stsl405330320>

Цветков В.А., Зоидов К.Х., Медков А.А. Формирование эволюционной модели транспортно-транзитной системы России в условиях интеграции и глобализации. М. ; СПб., 2014.

Шепард У. Индия создает свой собственный Шелковый путь. Война и мир. URL: <http://www.warandpeace.ru/ru/news/view/122402/>.

Эвранд, Е., Ниенабер В., Соммарбиас А. Временное восстановление пограничного контроля в Шенгенской зоне: к пространственной перспективе. Журнал исследований пограничья. 2018.

REFERENCES

Antipina O.N. (2017). *Ekonomika, kultura i shast'e: est' li zdec' svyaz'* [Economy, culture and happiness: is there any relationship] *World Economy and International Relations*, No 7.

Bezrukov L.A. (2008). *Continental'no-oceanicheskaya dichotomia v international'nyh i regional'nyh issledovaniyah* [Continental-oceanic dichotomy in international and regional development] *Novosibirsk*.

Bezrukov L.A. (2007). *Economicheskaya i geographicheskaya makro-polojenie Sibiri i problema effektivnosti ekonomiki* [Economic-geographical macro-location of Siberia and the problem of the efficiency of its economy] *Geography and natural resources*, No 3.

Vardomskij L.B. (2015). *Tranzitnyj potencial Kazakhstana v kontekste evrazijskoj integracii* [Transit potential of Kazakhstan in the context of Eurasian integration] // *ECO*, No 8.

Glinkina S. P. (2014). *Kitajskaya strategiya razvitiya postsovetского prostranstva i sud'ba Evrazijskogo ehkonomicheskogo soyuza. V kn.: Rossiya v XXI veke: global'nye problemy i perspektivy razvitiya* [Chinese strategy for the development of the post-Soviet space and the fate of the Eurasian economic union. In: *Russia in the 21st Century: Global Challenges and Prospects for Development: Materials of the Third International Forum*] Moscow, 21–22 October 2014.

Diamandis P. (2013). *Kak "technological socialism" mozhet demonetizirovat' nashu zhizn'* ["Technological socialism" can demonetize our life] *Own business*, No 5.

Zoidov K.Kh., Medkov A.A., Zoidov Z.K. *Gosudarstvenno-chastnoe partnerstvo - osnova innovacionnogo razvitiya i bezopasnosti tranzitnoj ehkonomiki: Monografiya* [Public-private partnership - the basis of innovative development and security of transit economy: monograph].

Krotov A.V., lavreniuk M.V. (2015). *Pogranichnoe raspolozhenie Altaya kak faktor, smyagchayushchij ul'trakontinental'nyj region. In Dnevnik Altajskoj shkoly politicheskikh*

issledovanij [Cross-border position of Altai as a factor leveling the ultranontinality of the region. In: Diary of the Altai School of Political Studies].

Krotov A.V., Plotnikova Yu.A. (2015). EHkonomicheskie i geograficheskie faktory opravdyvayut ul'trakontinental'nye polozheniya Sibirskogo regiona. V kn. Geografiya i priroda Sibiri. SB. stat'I [Economic and geographic prerequisites for substantiating the ultracontinental position of the Siberian regions // Geography and Nature Management of Siberia] Vyp. 19. Barnaul.

Malysheva D.B. (2017). Afganskij krizis i postsovetskaya Central'naya Aziya [The Afghan crisis and post-Soviet Central Asia] World Economy and International Relations, No8.

Passi A., Zimmerbauer K. (2016). Penumbbral granicy i paradoksy planirovaniya: relyacionnoe myshlenie i vopros o granicah v prostranstvennom planirovanii [Penumbbral boundaries and paradoxes of planning: relational thinking and the question of boundaries in spatial planning] Environment and planning, No8, 75-93.

Remyga V. N., Padalko, V. I. (2015). A New global strategy of China and Economic zone of the silk road. EHkonomicheskaya zona shelkovoij dorogi

Richaud X. (2017). Odin pobeditel' i mnogie proigravshie [One winner and many losers] Beep, 19 ijulja.. No 120.

Sadykov M. Uzbekistan — Tajikistan: novaya zheleznaya doroga do Ferganskoj doliny ugrozhaet Dushanbe transportnoj blokado Portal EurasiaNet.org. [Uzbekistan-Tajikistan: A new railway to the Fergana Valley threatens Dushanbe with a transport blockade]. EurasiaNet.org. Available at: <http://russian.eurasianet.org/node/59940>.

Tadzhikistan, Afganistan i Turkmenistan eshche ne opredelilis' s marshrutom budushchej zheleznoj dorogi [Tajikistan, Afghanistan and Turkmenistan are still undecided about the route of the future railway] Asia-Plus Available at: <http://news.tj/ru/news/tadzhikistan-afganistan-i-Turkmenistan-still-not-determined-route-future-zhelez>.

Whitney M. What does the pipeline in Afghanistan have to do with the crisis in Ukraine? [What does the pipeline in Afghanistan have to the crisis in Ukraine?] CENTRASIA. Available at: <http://www.centrasia.ru/newsA.php7stsl405330320>.

Tsvetkov V.A., Zoidov K.Kh., Medkov A.A. (2014). Formirovanie ehvolyucionnoj modeli transportno-tranzitnoj sistemy Rossii v usloviyah integracii i globalizacii [Formation of the evolutionary model of the transport-transit system of Russia in conditions of integration and globalization]. Moscow, Saint Petersburg.

Shepherd W. Indiya sozdaet svoj sobstvennyj SHelkovyj put' // Vojna i mir [India creates its own Silk Road // War and Peace] Available at: <http://www.warandpeace.ru/ru/news/view/122402~>.

Evrard E., Nienaber B., Sommarbias A. (2018). The temporary reintroduction of border controls inside the Schengen area: towards a spatial perspective [Temporary restoration of border control in the Schengen area: to a spatial perspective] Journal of Border Studies